

Городская среда Дискуссионный клуб /

Обработка материалов
круглого стола
Марина Ткачева

Обсуждаются проблемы состояния городской среды. Предлагаются конкретные меры по усовершенствованию городской среды.
Ключевые слова: городская среда, дизайн-код, средовое проектирование, организация микросреды. /
The problems of urban environment are discussed, and practical measures to improve it are proposed by the Discussion Club on city environment.

Keywords: urban environment; design code; environmental design; organization of microenvironment

В рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2015» 4 июня 2015 года в Иркутском доме архитектора состоялась встреча дискуссионного клуба, посвященная проблемам качества городской среды. Обсуждению предшествовали подготовленный кураторами предварительный «аперитив» и вопросы, которые предлагалось обсудить. /
As a part of the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia 2015", on the 4th of June 2015 the Discussion Club Meeting concerning the quality of city environment was held in the Irkutsk House of Architects. The discussion was preceded by the presentation prepared by the curators and the questions to be discussed

Состав участников:

Никита Асадов (Москва), архитектор, куратор Международного фестиваля «Зодчество»;

Андрей Большаков, зав. кафедрой архитектурного проектирования ИРНИТУ, доктор архитектуры, профессор;

Алексей Буйнов, главный архитектор Иркутской области;

Александр Гимельштейн, зав. кафедрой журналистики и медиаменеджмента ИГУ, генеральный директор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева; кандидат исторических наук;

Елена Григорьева, архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал»;

Александр Деринг (Барнаул), архитектор, генеральный директор ЗАО «Классика»;

Андрей Ефимов, председатель совета директоров группы компаний «Деметра», вице-президент Иркутского регионального объединения работодателей «Партнерство товаропроизводителей и предпринимателей»;

Ольга Железняк, зав. кафедрой дизайна ИРНИТУ, кандидат искусствоведения, профессор;

Евгений Зыков, главный архитектор архитектурной мастерской «Тектоника», член правления Красноярского регионального отделения СА;

Инна Кондратьева, главный архитектор Иркутска;

Илья Круговых, заместитель руководителя Байкальского представительства Российской гильдии управляющих и девелоперов;

Константин Лидин, кандидат технических наук, докторант психологии;

Михаил Рожанский, директор Центра независимых социальных исследований и образования, кандидат философских наук;

Марина Ткачева, доцент кафедры философии БГУЭП, кандидат философских наук;

Алексей Чертилов, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНИТУ, председатель ИРОВОПИИК;

Сергей Шмидт, доцент кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, кандидат исторических наук;

Андрей Шолохов, доцент кафедры дизайна ИРНИТУ, кандидат искусствоведения, председатель Иркутского регионального отделения Союза дизайнеров России

Кураторы:

Елена Григорьева, Константин Лидин, Марк Меерович, Марина Ткачева

Модератор – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, профессор кафедры архитектурного проектирования ИРНИТУ **Марк Меерович**

City Environment Discussion Club

Марк Меерович В профессиональном сообществе уже давно обсуждается проблема качества среды как механизма производства определенных психологических состояний и эмоций, ибо среда, с нашей точки зрения, является одним из самых мощных механизмов их порождения. Когда мы с заказчиками любого уровня начинаем разговаривать об этих тонких вещах, то они говорят, что «эта эзотерика не входит в предмет стратегического планирования и вообще в предмет обсуждения». И так, первый вопрос: побуждает ли городская среда бурление эмоций? Каких? Как сделать эту особенность городской среды действительностью в диалоге с заказчиками и предметом реального проектирования наших коллег и нас самих?

Константин Лидин Эмоции – ценный ресурс, и в настоящее время экономика эмоций выходит на первый план как в экономической теории, так и в социально-психологических исследованиях. Сегодня я предлагаю рассматривать городскую среду в очень упрощенном виде, разделив на «бурление эмоций» и «небурление». Городская среда может побуждать людей к интенсивным ярким переживаниям, в этом случае она притягивает разных людей, подобно интенсивному потоку, который втягивает в себя все оказавшиеся вблизи предметы. Противоположное состояние – депрессия территорий – явление реальное и по большей части прискорбное. Унылая, тоскливая, отвратительная городская среда рождает эмоции астенического ряда, небурлящие, вялые, холодные. Такая территория начинает отпугивать людей. А современная динамика населения такова, что все это происходит очень быстро. Болгарский город Шумен не смог обеспечить бурление эмоций, и там за пять лет население сократилось в три раза. Еще немного – и некому станет поддерживать системы его жизнеобеспечения; уже осуществляется секторное отключение электроэнергии, есть приметы гангрены городского организма. Иркутск, конечно, в меньшей степени подвержен этой опасности, но она присутствует. Если Иркутск не обеспечит бурление страстей в своей городской среде, то в течение нескольких лет он может оказаться в схожей ситуации, оказаться перед лицом коллапса и исчезновения. Страшно вато звучит, но это, к сожалению, реальность наших дней.

Андрей Шолохов Процесс создания пространства – процесс проектный. При таком подходе должны быть определенные критерии хорошего и плохого, соответствующего или нет. А критериев нет. Вторая сложность: сформированная архитектурой городская среда дополняется еще элементами «украшения» – в хорошем или плохом смысле. В ней присутствует большое количество рекламы, электронных гаджетов, которые все более и более развиваются. И сама среда как предмет проектный вдруг начинает исчезать, превращается в метафизическую составляющую. Каким образом ее сформулировать, становится совершенно непонятно: чрезвычайно много составляющих факторов, большая часть из которых субъективны.

Андрей Большаков Хотел бы затронуть аспект, с одной стороны, более объективный, а с другой – реализующийся через взаимодействие людей. Я имею в виду отношения города и природы, структуры городского землепользования как подложки под городскую среду. У нас еще сохраняются исторические морфотипы, в том числе достаточно просторное городское расположение. Но есть ряд проблем конкретно в Иркутске, о которых нельзя молчать. Кайская роща, один из важных элементов природного каркаса Иркутска, подвергается сейчас угрозе сведения, уничтожения этого реликтового леса. Виктор Яковлевич Кузеванов, директор Ботанического сада ИГУ, – человек, хорошо известный и в городском, и в международном сообществе. Он, активный защитник Кайской рощи, уволен по сокращению штатов, хотя его единственная вина заключается именно в стремлении сохранить природу в городе. Любое обсуждение природопользования в городе должно существовать в публичном пространстве. А возможная (и уже частично осуществляющаяся) застройка Кайской рощи – серьезная угроза качеству городской среды Иркутска.

Елена Григорьева Бурление страстей... Бурные страсти и в Интернете, и в печати связаны именно с зеленью, с защитой скверов, парков, деревьев в Красноярске, соснового бора в Иркутске. В Красноярске обсуждается неправильная подстрижка деревьев. Движение в защиту деревьев получило широкое распространение, и деятельность архитектора Ольги Смирновой имеет конкретные

положительные результаты. У иркутян бурление страстей вызвала установка Бабра (даже до Москвы донеслось).

Восемь лет назад на эту же тему – городская среда – мы уже встречались здесь же за Круглым столом, и сейчас сознательно возвращаемся к ней. Тогда в нескольких выступлениях прорывалась тоска по неафосной городской скульптуре человеческого масштаба, с юмором, с теплотой... Мы получили целый пакет городской скульптуры. В том числе мы получили Бабра...

Марина Ткачева Бабра нельзя назвать городской скульптурой, это памятник «имперскости».

ЕГ Стоит в городе, значит, тоже городская скульптура. Еще одна новая скульптура – памятник пожарным, людям уважаемой героической профессии. Чтобы его поставить, уничтожили под корень чудный скверик за филармонией, хотя рядом есть открытое место, прямо перед зданием МЧС, где она была бы гораздо более уместна даже в ее нынешнем, прямо скажем, довольно провинциальном виде. Иногда мы сами инициируем что-то, а получаем совершенно неожиданный результат. Видимо, важно не только то, что каждый квадратный метр города должен быть спроектирован, но и то как.

Сергей Шмидт Могу поделиться своими впечатлениями по поводу динамики некоторых общественных умонастроений в городе Иркутске. «Классические» иркутские эмоции всем присутствующим известны: гнетущее ощущение второсортности собственного существования, ощущение города упущенных возможностей, города с великим прошлым, невзрачным настоящим и отсутствующим будущим.

Это умонастроение усиливалось после знакомства иркутян с региональными центрами вроде Красноярска, Екатеринбурга или Казани, которые производили впечатления прорвавшихся или вырвавшихся из провинциального безвременья. В последние два или три года повторение этого панического нутья по поводу Иркутска обрекает человека на производство сплошных банальностей; я, например, в этом жанре не читал и не слышал ничего нового уже лет пять. Так вот, про перемены. Такого рода отношение к Иркутску уже не дает человеку ресурса для производства собственной исключительности и оригинальности, накапливается ощущение «попсовости» такой

эмоции, такого дискурса. И потому сейчас мы находимся внутри перехода от привычного для нас упадничества к поиску и конструированию в городе чего-то уникального, а значит, достойного, хорошего. Поэтому даже такие вроде бы безвкусные чудовища, как статуя Бабра, становятся предметом, помогающим эту уникальность разыскать. У меня ощущение, что мы находимся на происходящем уже повороте от попсового нутья к пусть натужному, но оптимизму.

ЕГ Согласна с Сергеем. Ощущение второсортности мешает жить, мешает двигаться. Возвращаясь к теме обсуждения, хочу сказать, что мы не только критикуем, но и старательно ищем удачные примеры в сибирских городах.

ММ Является ли чувство скепсиса, недовольства результатом обитания в такой среде? Или наоборот: внутреннее психологическое состояние заставляет людей все время эту среду критиковать и уничтожать? Где здесь корень проблемы? Этот вопрос очень важен для проектировщиков. Исследование и понимание ситуации базируется на том, что мы имеем дело с уже созданным. Является ли проектирование нового, еще не существующего, совершенно другой задачей?

Михаил Рожанский Мне кажется, это ложный вопрос, он нас уводит в сторону. Я ничего нового не скажу, когда произнесу формулу «демократия участия»: это чувство присутствия в жизни города, в развитии города или, напротив, отделенности человека, живущего в городе, от того, что в городе решают, устанавливают. По поводу работы с эмоциями: самоуверенно считать, что можно их организовывать, но их необходимо учитывать. Вопрос в том, как включить этот аспект в методологию работы с городом. В социологии существует выражение «субъектность города»: город должен ощущаться как некий живой организм. И человек – рефлексирующая часть этого организма, участник того, что в нем происходит. Существующие уже не одно десятилетие банальные истины для нового урбанизма, знакомые всем присутствующим, не используются в принятии решений относительно городского пространства. Я имею в виду и то, что называется внимательностью города, когда город понимается как миры для интересного путешествия не только приездного, но и человека, живущего в городе. Это суточные, сезонные, го-

дичные ритмы общественных пространств, прежде всего публичных пространств. То, что было замыслено в 130-м квартале, то, что происходит на Нижней набережной, что сезонно возникает в сквере у памятника Вампилову. И это то, что называют «отпечатки», когда в городе попадаешь на следы большого мира, чувствуешь связь с человечеством и с историей – историей мира, страны и той земли, на которой стоит город. Такие понятные вещи не учитываются при работе с пространством, с территорией. Здесь исток всех историй, включая историю с Кайской рощей, с тем, что вместо городской уличной скульптуры возникает «эстетика шахматных фигур». Пример – Похабов, стоящий то ли на обороне города от реки, то ли на обороне реки от города – непонятно. Он разрушает одно из главных преимуществ Иркутска – исторически складывающееся отношение между городом и Ангарой. Это классический для города пример: непонятно для кого стоит, непонятно что обозначает... Поэзия юбилейных бюджетов.

МТ По моим ощущениям, между разными слоями населения осуществляется некая дифференциация. Нельзя говорить о едином пространстве города, в том числе о едином публичном пространстве, потому что для разных возрастов существуют разные ориентации в городской деятельности. Моя любимая тема – микродеятельность в городе, как она вписывается в городское пространство. Конечно, без 130-го квартала сегодня Иркутск и его публичное лицо очень трудно представить. Но меня привлекает и то, что я ежедневно вижу из окна. Вот в соседнем доме прекрасно разрисованная в стиле Ван Гога металлическая входная дверь. Дверь заменили – картинку воссоздали снова; теперь она захватывает все небольшое пространство входного защитного козырька, и там уже рядом с подсолнухами появилась зеленая оптимистическая роща. Прямо под моими окнами был запущенный газон. В этом году вдруг я вижу, что вышли люди, посадили цветы и кусты. Теперь регулярно жильцы выходят с лейкой в сухую погоду и газоны поливают. Я понимаю, что они стали считать это пространство своим и именно поэтому стали его обустраивать. А то, что делается дальше этого газона, они не видят и не хотят даже об этом думать. Разбитая дорога, лужи по колено – это все

для жильцов является демонстрацией чуждости города. Более всего это касается людей старшего поколения. Их достаточно много, но то, как они соотносятся с пространством, мало кого интересует. А то, что они делают, зачастую остается не очень замеченным.

Андрей Ефимов Виктор Яковлевич Кузеванов – уникальный человек, яркая личность. Получается, что в нашем городе эти личности становятся невостребованными. Невостребованность административным аппаратом инициатив и деятельности общественных организаций также очевидна. Конечно, не всегда; что-то и прорастает, но, скорее всего, вопреки, а не от осмысленной поддержки. Сегодня, чтобы быть лидером, необходимо обладать высокой скоростью изменений. В Казани, о которой уже упоминали, конечно, присутствуют большие деньги. Но кроме того, там в основу положена продуманная стратегия комплексного развития города, и, что самое главное, она быстро реализуется.

КЛ Если человек участвует в жизни города, значит, есть его вклад в сумму векторов действий. Каждый житель, да и вообще каждый, кто тут оказался, что-то написал про Иркутск, кто вспомнил о существовании этого города, уже внес свой импульс в создание его эмоционально насыщенного образа. Вопрос в том, каковы эти эмоции. Любой человек, который создает позорные, тоскливые или мерзкие образы, наносит очередной удар по городу. Если эти толчки складываются в преобладающую тенденцию, то город начинает умирать. Это вопросы не дальнего будущего, а сегодняшнего дня, и вопросы экономические. Любой товар сам по себе уже не нужен нигде и никому, он не может быть продан, если не завернут в эмоции. Так и городская территория. Если те, кто готов к диалогу, не начнут согласно двигаться в сторону стеничности, в сторону жизни, у Иркутска много шансов стать невостребованным. Иркутск вполне может исчезнуть как город, и это не вызовет краха человечества и России. Сейчас Иркутск теряет несколько тысяч постоянных жителей в год. Постоянные жители замещаются мигрантами, гастарбайтерами. Если тенденция усилится, за несколько лет городская среда вырождается, и Иркутск как постоянно существующий населенный пункт исчезнет.

ММ Наше обсуждение течет по очень разным слоям. Верхний слой идеологии – тексты Константина Лидина с его апокалиптическим взглядом на мир. Но какова связь цветочного газона и раскрашенной двери с верхним слоем идеологии? К тому же у нас нет критериев оценки позитивного и депрессивного.

КЛ Есть инструменты, позволяющие достаточно точно измерить эмоциональное состояние. Но чтобы они начали работать, в них надо вложить изрядные ресурсы. Вкладывать пока некому: архитекторам не надо, чтобы их проект оценивался с точки зрения эмоций, потому что это осложнит их и без того сложную работу. Какое эмоциональное содержание будет иметь проект после реализации? Такого вопроса мне архитекторы никогда в жизни не задавали. Вот когда появится спрос, тогда и инструмент появится. Теория есть, методология есть, как эти инструменты сделать – я знаю. Но для осуществления нужно специальное программное обеспечение, серьезные полевые исследования, немалые средства.

МР Не помню ни одного заказа на фокус-группы по поводу городских проектов; этот заказ на рынке просто отсутствует. Большой рынок заказа от застройщиков на исследования по востребованности типов жилья. Но тестированием облика дома, качества пространства около дома ни застройщики, ни власти вообще не заморачиваются.

Алексей Чертилов Аксиома: городскую среду создают человек и сообщество. Я думаю, качество среды зависит от трех вещей – от активности граждан, их интеллектуального развития и материального достатка. Иркутск в XIX – начале XX века, судя по сохранившемуся наследию, обладал всеми тремя особенностями. В сегодняшнем Иркутске, по-моему, не хватает именно активности. И я не знаю методологии, направленной на возбуждение активности граждан.

ЕГ Активность граждан – обоюдоострое свойство. Владельцы домов в центре, которые затягивают свои деревянные фасады полотнами с изображением яблок, груш и цветов, тоже граждане города. Они искренне считают, что картина с фруктами или реклама, закрывающая весь фасад деревянного дома из кругляка большого диаметра, лучше, чем текстура натурального дерева.

АШ Существует несколько слоев организации городской среды. На административном уровне есть инструменты, позволяющие каким-то образом воздействовать на среду, разнообразные регламенты. На уровне организовавшихся жильцов этот процесс совершенно стихийный и никем не регламентирован, в то же время он очень сильно воздействует на результат восприятия этой среды. И средний уровень – это уровень собственников. Он самый опасный, поскольку у них есть ресурсы, а у администрации нет рычагов прямого воздействия на собственников недвижимости. Администрация пытается на них воздействовать, но это чрезвычайно сложно. И эти собственники, которые в процессе своей жизнедеятельности начинают обустривать вокруг себя пространство, чтобы было лучше на их вкус – самая большая опасность, влияющая на городскую среду Иркутска.

Александр Деринг Я бы вообще назвал Иркутск аномалией, потому что благоустройство среды у вас на очень высоком уровне. Мне кажется, вам нет никакого смысла впадать в какую-то депрессию. Бурление среды есть, но его трудно сразу увидеть, так как это дигитальная среда: 40 % времени сейчас определенная категория проводит в «цифре». Мы должны понимать, что живем в цифровом мире. Мне кажется, что это очень важная составляющая – цифровая, дигитальная среда. На нее-то и надо воздействовать.

ММ Вы правы: все больше сегодня в нашу жизнь, в том числе городскую среду, вторгаются эффекты, с которыми раньше мы не сталкивались. Например, на фасады домов проецируются изображения. Они становятся реальностью, которую мы воспринимаем. Так, может быть, нам пора расслабиться и гладко штукатурить фасады домов, а потом проецировать на них Венецию, Париж, Байкал? И наши девелоперы будут рады, потому что им надо будет строить просто коробки, а архитектуру заменить проекцией.

ЕГ Проецировать изображения на фасады удобнее в темное время суток. Кстати, они замечательно проецируются на Большой театр, на Манеж, т. е. на те здания, которые и днем неплохо выглядят. И вообще о фасадах ли речь? Возможно это как раз потому, что перед Манежем и Большим театром есть хорошо организованная среда,

общественные пространства, куда люди любят приходить. Есть зритель, есть партер, есть для кого играть в театр...

СШ А мне кажется, что это просто прекрасно. Пусть на домах будут проекции вместо скульптур и лепнины. Это как татуировка, которую не обязательно выводить, она сама отваливается, смывается. И вариации возможны, наподобие смены одежды по сезону. Кстати, для меня существует всего одно-единственное учреждение в городе, за которое я испытываю что-то вроде стыда. Это унылое здание Союза художников, которое похоже на общагу 50–60-х годов. Но если художники могут жить в здании, которое вообще не обладает никакой выразительностью, то пусть на него будет хоть проекция какая-нибудь.

ЕГ У этого места хороший потенциал – пустая площадь. Там по соседству возник новый замечательный сквер между Музеем города и Домом художника. Фонтаны, много детей, родители, молодежь. Еще шаг (например, открытое кафе) – и пустая площадь, как и сквер, заживет настоящей жизнью. Меня лично не столько фасады беспокоят, сколько как раз пространство между ними.

КЛ Я хотел бы соединить выступление Елены Ивановны с темой дигитальности. По-моему, мы про одно говорим. С точки зрения психологии восприятия, психологии эмоций дигитальный фантом ничем не отличается от физического, телесного, каменного и бетонного объекта. Здесь те же самые законы. Единственное, чем оно всерьез отличается – скоростью изменений. Перестроить каменный город гораздо дольше и дороже, чем перестроить город цифровой. И когда цифровые технологии выплеснутся на улицы, когда светодиодные проекторы будут стоять, как пара ботинок, начнут на каждом углу появляться эти проекции. Тогда у каждого жителя появится возможность формировать свой кусочек города. И лучше бы нам быть готовыми к этому. Все равно горожане получают в руки инструменты дигитального, стремительно и дешевого преобразования среды. И нам как людям, живущим в этой среде, придется с этим соотносываться. Тут у Иркутска, как ни странно, появляется особый шанс. Наш город всегда был мозаичным, лоскутным. Это его особенность. Иркутск всегда состоял из совершенно противоположных кусков, противоречащих друг другу. Цифровые технологии только усилят эту тенденцию.

АЧ Мне кажется, многое связано с архитектурой деталей. В истории городов происходило цикличное изменение стилей декорирования. Когда цифровые технологии придут, они заменят архитектурную детализацию города своими методами. Архитектурная детализация, дробление такое, вкуснота не придут еще раз. Но потребность в разнообразии останется, и архитектурная детализация города и есть воспитание этой потребности, проявленной человеком в среде.

АЕ Все-таки надо управлять этим процессом. В Германии собственников обязывают поддерживать фасады, колористика вся задана. Трудно, тяжело, но организовывать эти пространства все равно надо. Я все время говорю, что нельзя терять нашу идентичность старого города. Это не значит, что ничего больше строить не будем. Само разнообразие создает общую эмоциональную обстановку.

Александр Гимельштейн Возможно, существуют определенные условия жизни для формирования однородных стремлений в жилых микрорайонах со стандартной застройкой. И там народное волеизъявление относительно дигитализации или просто раскрашенных фасадов и бюджет реализовано, но никоим образом не в виде безудержного человеческого проявления.

Но нас прежде всего интересует исторический центр города, который является главной проблемой на сегодняшний день. Существует комплекс законодательных актов для исторических поселений (Иркутск именно таким и является). У нас даже есть созданный прецедент, когда зоной исторической застройки объявлена целая улица Урицкого. А у нас таких зон – весь центр. Но все равно существует прецедент этого акта. Существует толстенный фолиант свежих документов, связанных с регламентацией. Их надо исполнять, но эти документы надо готовить с мощным экспертным участием. Я тоже считаю, что проблема новой застройки, регламентации того, что может делать собственник на своем участке, – это серьезно. Но для сохранения исторического города на уровне законодательства нет проблем. Нужно только выработать разумные регламенты, может, они уже и выработаны. Какие-то совершенно очевидные вещи, в особенности касающиеся этих безумных рекламных конструкций по улице Большой – Карла Маркса. Безусловно, все световые

шоу в исторических кварталах должны отсутствовать в принципе. Дигитализация – это прекрасно, замечательно. Скоро голограммы появятся не на плоскостях, а просто в пространстве, это еще более любопытный следующий этап, но не имеющий принципиального значения для архитектуры: голограмма появилась на 10–15 минут, максимум на час – и исчезла; архитектуры этим не испортишь.

АБ Способы усовершенствования городской среды связаны с выявлением и в какой-то степени сбалансированным интересом лиц физических и юридических. Их интересы проявляются сильнее всего у тех собственников, которые сильны, а интересы малых групп как-то исчезают. Отсутствует иерархия, нужная для того, чтобы среда была сбалансированной и гармоничной, отсутствует такой фактор, как общественные интересы. Они не проявлены, не конституированы. Интересы общественные и интересы частные как находились, так и находятся в противоречии. И конфликты, которые возникают между ними, надо как-то разрешать. Должны быть механизмы этого разрешения. Думаю, что обсуждения, подобные сегодняшнему, создают зачатки, зародыши этого общественного влияния на формирование среды. Степень удовлетворенности средой напрямую и положительно должны сказываться на эмоциях.

ММ Должен заметить, что функцией разрешителя конфликтов между частными интересами и общественными выступает городская власть, муниципалитет. Сегодня администрация всех уровней, которая ведает городским развитием, невольно является преемником советского менталитета в управлении и руководстве городской средой. Несмотря на наличие документов и регламентов, она все равно нацелена на действие «сверху вниз», никак не ориентирована на то, чтобы инициировать интересы горожан, спрашивать у них что-то, включать их в реальные процессы. Нужны и выявление интересов, и создание площадок для обсуждений. Вся нынешняя практика общественных обсуждений показывает, что это либо манипулируемое явление, либо хаос, который в течение всего заседания выражается в криках и неструктурированных скандалах. Не думаю, что наше обсуждение заложит зерна для позитивного процесса. Мы не обладаем как административным, властным ресурсом, так и энергией к самоорганизации. Кто же субъект тех перемен, которые должны наступить, если мы хотим получать иное качество среды, иное качество жизни?

Илья Круговых Сегодняшнее обсуждение частично сводится к тезису, что преобразование городской среды является некой обязанностью, в большей степени обязательной, неприятной и ресурсоемкой. Для нашей компании преобразование городской среды является не обязанностью, а мотивацией. И пока преобразование городской среды не станет мотивацией для всех участников этого процесса, никакого преобразования не будет. Я не совсем с вами соглашусь, что нет драйвера таких изменений. Такие драйверы есть. Это как раз те самые прогрессивные девелоперы, которые понимают, что преобразование городской среды – продукт, который можно впоследствии продать. Стоимость куска благоустроенной территории повышает стоимость наших проектов. И обсуждение таких объектов городской среды должно проводиться с достаточно полным представительством всех участников этого процесса: девелоперов, представителей власти, архитекторов, градостроителей. Только тогда мы получим тот результат, о котором сейчас говорим. Такие площадки в принципе есть, есть замечательный проект преобразования городской среды. Механизмы есть, есть люди, которые будут вкладывать ресурсы в это преобразование. Нужно выработать цель и мотивацию.

ММ В моей практике был только один, уникальный случай, когда девелопер пришел к архитектору и сказал: «Слушай, выступи консультантом для идеи преобразования среды».

ИК У нас есть опыт такого сотрудничества: был проведен конкурс, мы просто создали сквер на территории Иркутск-Сити. Фактически мы выбрали исполнителя этого проекта, консультанта. Да, не все у нас получилось, но то, о чем вы говорите, было реализовано. Это практический пример, его можно модифицировать и дальше продвигать.

ЕГ Фиксируем этот счастливый момент – сотрудничество архитекторов и девелоперов по среде. Иркутская организация начала в последнее время проводить блиц-конкурсы. Объединим усилия.

Евгений Зыков Года два назад здесь уже шла речь о том, как можно включать городские сообщества в формирование общественных пространств. Мы с Алексеем Мякотой говорили о том, что существует некий коллективный разум. Мы приводили в пример остров Татышев в Красноярске: это пространство вдруг стало интенсивно развиваться, и горожане здесь активно занимаются спортом, катаются на велосипедах, отдыхают. Активность там просто зашкаливает. Однако для того, чтобы коллективный разум заработал, нужен некий толчок, который может создать только творческий индивидум: если бы не было Яна Гейла, неизвестно, каким бы стал Копенгаген. В любом случае появляется какой-то буйный человек, он знает, что нужно делать, «поднимает волну». Тогда появляется результат. О необходимости исследований – есть такая простая «трехходовочка»: знания – действия – результат. Сначала кто-то должен обладать этим знанием. В Красноярске был недавно одобрен, согласован, утвержден генплан. Перед его разработкой были проведены исследования, потрачены большие деньги. Разработчики генплана эти исследования отодвинули в сторону и не пользовались ими: слишком много нелицеприятных для девелоперов вещей в них обнаружилось. И на эти исследования поставили штампик: «Для служебного пользования». Вычищается вся информация и делается то, что делать не нужно. Я слушаю обсуждение и не очень понимаю, что вам не нравится и что вы хотите сделать с Иркутском? Какие особые проблемы у вас? Реклама? Да, реклама одержала убедительную победу над архитектурой в российских городах. Но это все-таки решаемая проблема. Достаточно изучить опыт Барнаула.

КЛ Прозвучал вопрос: чего мы хотим в Иркутске? У нас в ИргУПСе на защите дипломов по управлению персоналом сидит крупный чиновник железнодорожный из высшего руководства – председатель комиссии. Буквально через два на третий дипломы построены на небольших населенных пунктах, и у всех одна проблема: молодежь уезжает и не возвращается, идет отток населения. И практически каждый раз этот чиновник говорит: «А где проблема-то? Уедут все – будем вахтовым методом обслуживать эту станцию». Во многих населенных пунктах в нашем регионе уже нет постоянного населения. В целом по России в год умирает около ста населенных пунктов. И с Иркутском может произойти то же самое, может, не так быстро. Будет ли жить город вообще? Я лично хочу, чтобы он продолжал жить.

МР Я предлагаю этот вопрос пустить по кругу; это действительно принципиальный вопрос.

ЕГ Я хочу, чтобы город жил с чувством собственного достоинства. Считаю, что улицы и дома Иркутска в своем большинстве обладают потенциалом собственного достоинства. Реклама, с которой, кажется, очень легко справиться, пока не побеждена. Реклама мешает диалогу

зданий и людей в городе. Этот диалог необходим для того, чтобы человек жил тут и укоренился в городе.

СШ Я мечтаю, чтобы Иркутск перестал быть «придатком к Байкалу». Я мечтаю об освобождении от этого ресурсного проклятия. А что можно использовать? Мне кажется, что у нас уже обозначился некий тренд отхода от бесконечного нытья по поводу Иркутска: все плохое, что можно сказать об Иркутске, уже сказано. Основание этого тренда – осознание угрозы умирания города. Хочу поддержать Марину Ткачеву. Я наблюдаю нечто похожее в своем дворе и в соседнем: птичьи гнезда, переделанные для цветочков на входе в подъезд, совершенно феерическая композиция из разбитой посуды на стене. Мы помним те времена, когда жить в городе означало жить в квартире. Люди в городе не жили, и это очень удивляло в 80–90 годы иностранцев: в квартирах все аккуратно и красиво, а в подъезде просто страшно. Мне кажется, «квартирное» сознание городского жителя уходит. Оно еще не замещается осознанием того, что люди живут в городе. Но двор уже становится местом их жизни. Я не знаю, можно ли объяснить этот факт демографически? Но я вижу, что вместе с квартирным метражом и удобствами человек приобретает ценность микромира. Тем не менее это по-прежнему жизнь во дворе, жизнь на улице, жизнь в квартале, но не жизнь в городе.

Инна Кондратьева Мне кажется, мы слишком философски подходим к этой теме, а нужно просто брать и делать. Не нужно обвинять кого-то. Мне представляется, у нас проблема в обществе из-за того, что мы всегда пытаемся найти кого-то крайнего. А почему сам человек не может делать, как вот вы, Марина, объяснили? Сам человек пошел и посадил цветочек.

МТ Но у него ресурс очень маленький.

ИК Это дело не ресурса, а желания сделать то, что ты сам хочешь видеть. У кого-то есть ресурсы, но они не замечают этого. Он не хочет, он видит только то, что ему удобно видеть. Школьников, которые бесконечно сидят в компьютерах, мы не научим с их помощью сажать деревья на улицах. Конкретных решений мы здесь вообще не выработали. Единственное предложение было – чтобы с девелоперами взаимодействовать. Давайте все-таки перейдем к практической стороне нашего разговора. Пример про рекламу, который вы косвенно затронули, касается не только регламента улицы Карла Маркса, но и воспитания самих рекламщиков. Любой специалист сейчас зависит от денежной составляющей, но все-таки засилью денег надо сопротивляться. Когда-то приехавшие в Иркутск оставались здесь жить. Сейчас, к сожалению, не так. А я хочу, чтобы город был.

АГ У меня достаточно реалистический набор желаний. Первое. Я хотел бы, чтобы исторический центр города стал рекреационно-мемориальной зоной со всеми ограничениями, связанными с рекламой, новым строительством и т. д. Это должен быть центр, в котором люди должны ходить, отдыхать, принимать гостей. Как горожане, так и туристы.

МТ Велосипеды.

АГ Да, это связано с ограничением транспортных потоков тоже. Центр уже захлебнулся от машин. Второе. Мне бы хотелось, чтобы для исторического центра была принята разнобюджетная по своей структуре программа реставрации исторических зданий. Третье. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы была микрорайонная застройка. Именно там должны быть новые, интересные, свежие градостроительные проекты. Четвертое. Не надо насильно удерживать людей в городе. Движение должно быть. С другой стороны, я знаю много очень известных людей, которые приехали сюда и заболели городом и его атмосферой.

Предложи им здесь дело – и они вернуться; только нужен больший объем мотивации, и она должна быть комплексной – от экономики до рекреации. Пятое. Я много лет говорю о необходимости топонимической реставрации. И, наконец, требуется немедленно, в одночасье снести все рекламные бетонные конструкции в центре города и расторгнуть все договоры на их аренду.

Ольга Железняк У меня нет ощущения апокалипсической деградации среды и умирания города. Само понятие среды и среднего проектирования было в свое время серьезным сдвигом в мышлении архитекторов, одним из результатов которого стало появление специальности «дизайн архитектурной среды». Предполагалось, что проектирование – это соучастие, диалог многих в процессе создания проекта. Я считаю, что сегодня городу нужен позитивный имидж, который должен быть целенаправленно сформирован в процессе подобного «соучаствующего проектирования». Он (имидж) должен включать как реальное пространство, так и виртуальное. Пусть сначала имидж будет симулятивным: это будут рассказы, мифы о прекрасном городе, но это первый шаг формирования благоприятного впечатления и внедрения бренда. Если такую задачу не поставить – мы никогда не достигнем цели создания позитивного города. Но над этим нужно сознательно, прагматично работать, организуя команду при администрации, которая будет брендом города заниматься. Мы на кафедре дизайна ИРНИТУ подобную работу начали делать. Естественно, симулякры долго не продержатся, для фактического существования бренда нужно реальное основание – то реальное качество жизни, которое будет в Иркутске. И тогда, когда все части будут друг к другу присоединены, мы и получим искомый замечательный город.

АБ Я хочу, чтобы в городе была природа, набережные для пешеходных прогулок. Хочу, чтобы город был безопасным и дружелюбным. Должно сохраняться историческое наследие, исторический центр. Конфликты частных и общественных интересов должны разрешаться на основе планирования, регулирования города. Городская администрация должна быть более активной силой в этом планировании и обеспечивать должный баланс интересов при сохранении приоритета интересов городского сообщества в целом.

АД В России традиционно зона комфорта – это квартира. Мне кажется, что пришло время ее расширить. Мне показалось, что в Иркутске зона комфорта шире, чем в других городах; желаю, чтобы ее расширение продолжалось.

ИК Я из Красноярска. Мне кажется, что Иркутску не хватает лоска. Конечно, нужно развивать бренд города.

АЕ Развитие бренда должно следовать за повышением качества жизни горожан. В Иркутске не должно быть унылых лиц. Мы должны осмыслить направление развития всего региона, в котором архитектура станет необходимым элементом и подспорьем. И строить стратегию развития надо немедленно. Надо понять, какими ресурсами мы располагаем и как будет осуществляться развитие. Это вопрос тактики и контроля, в которой надо продумывать все мелочи, вплоть до удобной работы светофоров. Очень хочу, чтобы Байкал сохранил свою чистоту и привлекательность и чтобы его никто не приватизировал. Но осуществление любой инициативы требует консолидированных усилий и действий.

АЧ У нас для осуществления любой инициативы действительно не хватает действий. Первое. Я хочу, чтобы деревянное наследие в сознании горожан стало ценным ресурсом нашей идентичности. Это бренд, который может вытянуть Иркутск хотя бы на утраченные позиции – пусть

не мирового, но российского уровня. Второе. Хочу, чтобы город освободился от любой рекламы. Наукой доказано, что пользы от нее никакой, она создает только ощущение хаоса и информационного мусора. Третье. Хочу, чтобы власти, бизнес и горожане поняли, что город – не только деревянные дома, но и архитектурно-планировочная структура, которую надо сохранять и восстанавливать в случае утраты. Четвертое. Хочу, чтобы сохранялась малоэтажная, человекоразмерная застройка центра.

МР У меня нет ощущения умирания города. Иркутск – город насыщенный, и изобретение брендов и имиджей кажется мне ложным надуманным путем. Наш город достаточно многообразен. Кроме имперскости, европейскости есть и Восток. И надо, чтобы в нем звучали все эти голоса. Сохранение исторического наследия – не главная задача, а часть задачи. Главное – сочетание наследия с развитием. Без развития и наследие не сохраним. Надо отказаться от представления о стянутой герметичной целостности города. Ключевым я считаю слово «диалог»: для горожан город станет не памятником разновременных архитектурных стилей, а местом жизни. Эффективной начальной мерой должно стать возвращение улицам их исторических названий. Вторая мера – парки, сады и скверы, от которых зависит дыхание города. Третье – уличная городская скульптура. Сейчас наш город – дидактическое пространство, в котором монументы – идеологические знаки. С какой стати нас постоянно воспитывают, ведь город – место жизни, а не идеологического прессинга. В последние годы к имперским монументам добавилась россыпь «шахматных фигур», которые тоже не более чем знаки. И они не стали живой уличной скульптурой, в лучшем случае – поводом для фотографий. Иронический «Турист» не исправил ситуации; судьба «Виолончели» тому доказательство.

МТ Меня тревожит ситуация с природным каркасом города, с озеленением: старые деревья либо вырубаются, либо сохнут, но никто не озабочен их восстановлением. К тому же зелень на улицах регулярно и злонамеренно уничтожается. Добавилась и еще одна беда – нашествие горностаевой моли, практически сгубившей яблони в городе. Еще больше меня уязвляет то, как строят в Иркутске: перевороченная до основных пород стройплощадка, ужасающее состояние территории после строительства. С этим вполне реально бороться санкциями администрации.

АШ Я оптимист в восприятии города: я здесь родился, мне здесь комфортно. Мое желание – чтобы это ощущение сохранялось не только у меня, но и у моих потомков.

Никита Асадов Мне хочется, чтобы Иркутск был городом, в который хочется приехать. Пока сюда притягивает только Байкал: это абсолютная ценность и города, и региона. Две вещи могут быть привлекательными для приезжих: внешний облик города, в котором главная ценность, на мой взгляд, – сохранившееся деревянное наследие, и сами жители, которые инициируют различные события и проекты и вообще делают город интересным. Эти две истории тесно связаны друг с другом. Сейчас везде заметен переход от монетарно-рыночного понимания развития к гуманитарному: главная ценность не деньги, а люди. И если они уезжают, то город теряет все: и пространство, и деньги, и собственную ценность. Сейчас во всех городах и регионах России начинается борьба за людей. И власть, и девелопмент, и общество должны осознать, что благоустройство и комфортная среда не украшение, а главный стержень всей городской конструкции. На нем держится и экономика, и демография, и даже мотивация людей, которые здесь живут. Если не будет

нормальной городской среды, люди очень быстро начнут уезжать отсюда.

Алексей Буйнов Хочется, чтобы разум, культура и профессионализм дополнили эмоции, чтобы они воспитали чувства и чтобы все это превратилось в конструктивное дело. Главное – чтобы люди хотели здесь жить. Все остальное они сделают.

ММ Пришло время вернуться к вопросу Инны Анатольевны о конкретных практических мерах для изменения ситуации.

ЕГ Я хочу, чтобы наладился диалог между иркутянами, которым есть что сказать, с теми, кто принимает политические решения. И если завтра такая трибуна возникнет, первым на нее должен взойти Виктор Яковлевич Кузеванов, чтобы высказать свое кредо, с которым согласно большинство горожан. А то, что таких людей увольняют, – это такой же сигнал, как убийство активиста из микрорайона Солнечный Ульянова, как отъезд режиссеров Кокорина и Шевченко.

Теперь о практических мерах по развитию городской среды.

1. Создание и внедрение дизайн-кодов в последовательности от самых значимых мест в городе. Об этом говорим уже не первый год, но не видно не только результатов, но даже работы по созданию.
2. Продолжение регенерации центра с учетом успехов и недостатков 130-го квартала. Его ни в коем случае нельзя клишировать: нужен индивидуальный подход к каждому месту, каждому кварталу. Продолжение начатой при предыдущем мэре работы по Торговой оси.
3. Продолжение работы по организации микросреды – тропинки, городские пешеходные пути, подобные тем, что прозвучали в блиц-конкурсе по территории рядом с Домом архитектора. Хочется преемственности в работе администраций: нельзя каждый раз отвергать то, что уже сделано хорошего в предыдущий период.
4. Грамотный подход к сохранению маленьких клочков зелени, цивилизованная подстрижка деревьев, аккуратное освобождение визуальных точек – спицей церковей и т. д. – от чрезмерно разросшихся деревьев.
5. Была программа монументально-декоративного оформления города, созданная Картопольцевым, Ячменевым и Смагиным. Она была несовершенной, но там были точки роста для районов с опорой на исторические и природные предпосылки. Актуализировать и придерживаться.

6. Нужна новая программа – малые реки, часть природного каркаса. Падь Долгая, две Сарафановки, Кучумовский лог, которые застраиваются, заболачиваются, – эти процессы еще не поздно остановить.

КЛ Если мы хотим повлиять на людей, повысить степень их активности, нужны инструменты, разработкой которых я и занимаюсь. Вот мы здесь не можем договориться даже о том, какие настроения в городе, а точных объективных данных нет. Если даже сейчас эти инструменты не востребованы – что ж, понадобятся в будущем.

СШ Я верю в силу запретов и бульдозера, который снесет нашу «линию Маннергейма» – бетонные рекламные столбы. Они, конечно, мертвая точка в городе, и их уничтожение может стать поворотом к оздоровлению городской среды. Запреты – это запрет на рекламу, запрет на точечную застройку и высокоэтажное строительство в центре города. Без административного ресурса невозможно решить многие проблемы: пустыри в центре города (место сгоревшей гостиницы «Сибирь»), чего нет ни в одном городе России; разрушенное здание чаеразвесочной фабрики; нужно избавляться от незаконных построек «Акулы», «Нежного бульдога» и восстанавливать

исторический вид набережной Гагарина – там ведь был реликтовый сад. Надо подумать и о памятнике первопроходцам: он действительно отрезает город от реки. Может, его повернуть боком к реке, тогда и возродится долгий роман Иркутска с Ангарой?

АГ Очень многое в жизни города зависит от администрации. Хочется верить, что обещаниям без выполнения наступит конец. Я повторяю, что администрации вполне по силам и уничтожить рекламу, и восстановить исторические названия улиц.

ОЖ Вот конкретные меры для изменения ситуации в городе. В пространстве виртуального: мы со студентами пытаемся исследовать имидж Иркутска, его позитивные и негативные стороны, собрать индивидуальные представления о городе в целом и спроектировать фрагменты имиджа. В пространстве реального изменения среды: мы выбираем проблемные средовые площадки города и в рамках дипломных работ проектируем либо создаем в материале средовые объекты, которые передаем муниципальным предприятиям. Мне кажется, что для реального развития нужна специальная программа (а возможно, какая-то структура) по планомерному изучению и трансформации имиджа города и повышению качества среды.

АБ Хотелось бы иметь больше времени для непосредственной работы со студентами, а не для бумажной работы. Современные учебные планы и программы должны быть ориентированы на практическую работу студентов после окончания архитектурного факультета.

АД Соцсети – очень сильный и эффективный инструмент для борьбы с рекламой. В Барнауле мы его успешно использовали; думаю, что он сработает и в Иркутске.

АЕ Очень важный субъект в устройении городской среды – застройщик, исполнитель задуманного. Даже при хорошем уровне выполнения заказа мы подчас получаем потенциально опасный объект. Первое: я вижу свою миссию в том, чтобы обеспечить регион современными безопасными материалами и технологиями. Второе: нужно максимально качественное исполнение задуманного. Третье: надо обеспечить эксплуатационную надежность построек, над чем не работают многие исполнители. Четвертое: очень хотелось бы, чтобы мы развивались в тренде экологической ориентации технологий в городе.

МР Мои предложения касаются образования. Первое: непременно введение в повышение квалификации для всех, кто работает в муниципальном управлении, и менеджеров строительного бизнеса социологии города как обязательной дисциплины. Второе: вести предмет «Антропология города» в подготовку студентов архитектурных факультетов.

АЧ Первое: вернуть исторические названия улицам Иркутска. Второе: разработать и утвердить специальный градостроительный регламент для зоны исторической застройки. Третье: создать на базе 93-го квартала (между улицами Лапина, Тимирязева, Дзержинского и Грязнова) музей деревянной архитектуры и городского быта города Иркутска. Квартал уже обозначен как музейная территория. Четвертое: принять закон о центральной части города как территории, свободной от любой рекламы. Пятое: возродить утраченные и сакральные для Иркутска памятные знаки и монументы и разработать новую, обязательную для исполнения схему размещения новых скульптур и памятных знаков. Также решить вопрос об исправлении уже допущенных ошибок, в том числе это касается Бабра, который ни исторически, ни градостроительно, ни эстетически недопустим в городе.

МТ Между микрорайонами Университетским и Первомайским расположена падь Долгая. Это уже почти полностью деградировавшая природная территория

(мусор, свалки в ручье, несанкционированная застройка). Ее можно возродить как природный зеленый уголок даже усилиями местного сообщества, – естественно, при поддержке и инициативе регионального депутата.

АШ Я уже неоднократно озвучивал свое предложение городской администрации: нам нужно создание внятной, грамотной концепции брендинга. Если мы хотим, чтобы территория развивалась, мы должны прилагать усилия и использовать современные технологии, чтобы ее продвигать не только внутри территории, но и вовне. Технологии известны, и я не понимаю, почему ничего не делается в этом направлении.

НА На сайте Москомархитектуры есть масса предложений по благоустройству. С минимальной степенью адаптации их можно использовать и здесь. Кто это будет делать? Даже присутствующие здесь – огромный ресурс. Нужно создать рабочую группу из людей, у которых есть время и желание. Участники приходят к властям, к девелоперам с предложениями по проведению конкурсов. Если у инициаторов есть понимание, что только они это могут сделать, то механизм участия запустится сам собой.

Алексей Буйнов Я не согласен с тем, что запретами и регламентами можно что-то кардинально улучшить. Они всего лишь часть грамотного и хорошо скоординированного комплексного подхода, рассчитанного на результат. Вот наши московские коллеги создали проект СП по улицам и транспортным артериям, очень профессиональный, фундаментальный труд. Там – не только дороги и улицы, там благоустройство прописано вплоть до бордюрных камней, малых форм, светильников и пр. Но Москва – не Иркутск, здесь другие возможности и ограничения. Процесс взросления, к сожалению, более медленный; если реализуется хоть малая доля из предложенного – это уже достижение. Увы, не всегда успевает за временем федеральное и региональное законодательство: например, нет подзаконных актов у закона стратегического планирования, поэтому он и не действует в полную силу. А именно в подзаконных актах были анонсированы и имиджевая составляющая, и экономическая, и просто должно было быть разжевано, как с этим законом работать. Соответственно, страдают качество и уровень наших новаций, да и профессиональная составляющая оставляет, что называется, желать... И последнее. Города – это наше общее достояние, мы все должны вносить свою посильную лепту в их совершенствование. Надеюсь, что в рамках объявленной губернатором Иркутской области С. В. Ероценко новой градостроительной политики должным образом сработает общественный совет, созданный при службе архитектуры Иркутской области. И я как главный архитектор области предлагаю вам сотрудничество. Это будет одновременно и площадка для осмысления новых идей, и один из проводников для их донесения на уровень областного правительства и городских властей. Мало понять, что это такое – комфортная жилая среда. Нужно предпринять совершенно конкретные действия для претворения этого понимания в жизнь.